

В. П. ЗАГОРОВСКИЙ

СОЛДАТСКИЕ СЕЛА И СОЛДАТСКОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ В ВОРОНЕЖСКОМ КРАЕ XVII ВЕКА

В свое время вызывал споры вопрос о том, что возникало раньше на южной окраине России в XVI—XVII вв. в ходе ее заселения: село или город. Села ли появились сначала, а города выростали из старинных небольших поселений, или, наоборот, города основывались на пустом месте, а села появлялись позже городов и располагались под их защитой?¹

Сама постановка такого вопроса представляется нам неудачной. Слишком велика была территория юга России, чтобы можно было дать однозначный ответ на него. Автор данной статьи уже подчеркивал сложность и многогранность процесса колонизации южнорусского черноземного края в XVII в., переплетение элементов правительственной и вольной народной колонизации, специфику различных географических районов, особенности отдельных более или менее длительных периодов в течение XVII в.²

¹ Сторонниками признания приоритета городов над селами (по времени их возникновения) были, в частности, Д. И. Багалеи и М. К. Любавский, отстаивавшие одновременно теорию правительственной колонизации юга России. Резкой критике подверг теорию правительственной колонизации академик М. Н. Тихомиров. В то же время М. Н. Тихомиров не высказывал категорических суждений по поставленным выше вопросам, а писал довольно осторожно, что «основанию городов нередко предшествовало появление в их районах поселенцев» (М. Н. Тихомиров. Россия в XVI столетии. М., 1962, стр. 421).

² См.: В. П. Загоровский. Некоторые особенности колониационного процесса южной окраины России в XVII веке и его периодизация. В кн.: «Из истории Воронежского края», вып. 3. Воронеж, 1969, стр. 83—93.

Если говорить о территории, где проходила Белгородская черта, то на 14 участках черты (из 25) до сооружения укрепленной линии существовали постоянные русские поселения. Остальные 11 участков Белгородской черты создавались в незаселенной еще местности, хотя и включенной в хозяйственную жизнь края благодаря системе откупных ухажьев. Поэтому ответы на вопрос о том, что появилось раньше в ходе заселения края: города или села, будут различными даже для отдельных участков Белгородской черты. На территории между реками Осолом и Доном такие города, как Новый Оскол, Верхососенск, Усерд, Ольшанск, Острогожск, Коротояк, возникли раньше сел. В северо-восточной части Белгородской черты некоторые города выросли из прежних сел (Костенск, Белоколодск, Добрый, Сокольск), другие были построены рядом с существовавшими прежде селами (Орлов, Усмань, Козлов)³.

Такой же конкретной, четко ориентированной во времени и пространстве, должна быть, на наш взгляд, и оценка роли тех или иных социальных групп в колонизации южнорусского черноземного края.

Строительство Белгородской черты проходило в 1635—1658 гг. До сооружения черты крестьянская колонизация южнорусского черноземного края играла значительно большую роль, чем в ходе строительства черты. Если под крестьянской колонизацией понимать только такие переселения крестьян в новые, слабо освоенные еще районы южнорусской лесостепи, когда они не меняют своего социального лица, остаются крестьянами и на новом месте, то для крестьянской колонизации во время строительства Белгородской черты в конкретных условиях юга России останется мало места. Лучше говорить, видимо, о вольной народной колонизации, включая в это понятие и такие самостоятельные переселения крестьян, когда последние превращаются на новом месте в мелких служилых людей. Термином «вольная народная колонизация» предпочитал пользоваться профессор А. А. Новосельский, большой знаток южнорусских документов XVII в. Анализируя состояние источников, освещающих различные формы колонизации, он справедливо писал, что «из двух

³ См.: В. П. Загоровский. Белгородская черта. Воронеж, 1969, стр. 240—243.

форм колонизации, правительственной и вольной народной, более доступна изучению первая»⁴.

В ходе строительства Белгородской черты из числа мелких служилых людей наибольшее участие в колонизации края принимали дети боярские и казаки⁵. Роль стрельцов и пушкарей, более тесно связанных характером службы с городами, была, естественно, меньшей. С 50-х годов XVII в. в колонизации территории, защищенной чертой от татарских вторжений, активно участвуют солдаты, рейтары, драгуны, записанные в полки нового строя в составе Белгородского разрядного полка.

На расселении солдат у Белгородской черты и на особенностях солдатского землевладения в XVII в. мы хотим остановиться более подробно. Этот вопрос в исторической литературе еще не ставился. Сразу же заметим, что говорить о «солдатской колонизации края», о «солдатском землевладении» мы можем, конечно, лишь применительно к XVII в.

Четыре первых солдатских полка у Белгородской черты были сформированы в 1653 г. в составе 6863 человек. В ходе формирования в 1658 г. крупного воинского соединения — Белгородского разрядного полка, в него было включено 5511 «старых солдат» (набора 1653 г.) и 3691 солдат нового набора. В состав Белгородского разрядного полка вошло шесть солдатских (пехотных) полков: Белгородский, Яблоновский, Козловский, Усердский, Верхососенский и Карповский. В каждом полку насчитывалось по 1400—1600 человек⁶.

Первыми солдатами на Белгородской черте стали в 50-х годах XVII в. родственники мелких служилых людей — их дети, братья, племянники. В солдатские полки записывали взрослых мужчин из семей мелких помещиков — детей боярских, а также из семей стрельцов, казаков, пушкарей, поселенных драгун. Так, в Воронежском уезде было набрано к 1658 г. в солдатскую службу 624 человека, в Белгородском — 881, в Коротоякском — 438, в Усманском — 545, в

⁴ А. А. Новосельский. Отдочные книги беглых, как источник для изучения народной колонизации на Руси в XVII веке. «Труды Историко-архивного института», т. 2, М., 1946, стр. 127.

⁵ Различные социальные группы мелких служилых людей на юге России охарактеризованы нами в книге «Белгородская черта» (Воронеж, 1969), к которой мы и отсылаем читателя.

⁶ См.: В. П. Загорюцкий. Белгородская черта. Воронеж, 1969, стр. 145—147, 153—157.

Козловском — 1914. Солдаты вооружались огнестрельным оружием — мушкетами, имели они и холодное оружие — шпаги. В походах солдатские полки составляли пехоту. Офицерский состав был в основном укомплектован из приглашенных в Россию иностранцев⁷, младшими командирами — «сержантами» назначались «старые солдаты».

Комплектуя солдатские полки на юге России из семей мелких служилых людей, правительство царя Алексея Михайловича сначала имело в виду постоянно содержать солдат на государственном обеспечении. Но финансовые трудности, возникшие в ходе русско-польской войны за Украину⁸, вынудили правительство очень скоро отказаться от этого плана. По окончании походов солдаты стали распускаться по домам с тем условием, что по первому требованию они возвратятся в свой полк. Постепенно правительство по отношению к солдатам перешло к обычной для юга страны системе содержания мелких служилых людей — наделению их землей.

Солдаты набора 1653 г., как хорошо видно по документам, при записи на службу земли в качестве жалованья не получили. Но уже с 1656 г., когда часть солдатских полков в связи с перемирием в русско-польской войне была распущена по домам, реально встал вопрос о наделении первых южнорусских солдат землей. В это время солдат мог вернуться в семью, к своему отцу или брату, служившему казачью, стрелецкую или драгунскую службу. Но солдат уже сам «служил царю», причем не один год, участвовал в войне; как служилый человек он имел право на землю. Многие солдаты решили сразу же воспользоваться этим правом.

Метод землеустройства солдат заключался в следующем. Свободную землю «приискивали» сами солдаты, обязательно в своем уезде⁹. Группы солдат, видимо, сначала занимали землю, а затем уже просили о закреплении ее за ними. Если споры о земле не возникало, то солдаты утверж-

⁷ Командирами шести солдатских полков в 1658 г. были Ф. Фанбуковен, Я. Лесли, Я. Ронорт, Ф. Вормзер, Я. Инвалт, В. Фангален.

⁸ Война продолжалась, как известно, с 1654 по 1667 г.

⁹ «Приискание» свободных земель вообще по нормам русского права было делом личной инициативы получателей. В первой статье закона от 21 июня 1672 г. о правилах раздачи земель в южных уездах говорится: «Дикие поля в поместье давать челобитчиком, где кто пришлет». (Памятники русского права, вып. 7, М., 1963, стр. 50).

дались в роли помещиков. Нужно, конечно, учесть, что возможности выбора места поселения для солдат были весьма ограничены, особенно в районах более ранней колонизации (например, в Воронежском уезде). Лучшие земли к 50—60-м годам XVII в. уже были заняты детьми боярскими и приборными служилыми людьми старых служб. Солдатам оставалось подыскивать себе землю в стороне от крупных рек и дорог, обычно вдали от уездного города.

Солдатской колонизации обязаны своим происхождением десятки современных сел в центрально-черноземных областях страны. Некоторые из них называются по сей день «Солдатскими». Села с таким названием можно найти на картах Воронежской, Липецкой, Курской, Белгородской областей, в пределах бывших Коротоякского, Обоянского, Елецкого, Хотмыжского, Старооскольского уездов XVII в. Под Старым Осолом расположены даже два села Солдатских: к северу и юго-востоку от города.

В 1656—1657 гг. несколько групп воронежских солдат «приискали» и получили землю в западной части Воронежского уезда, в Борщевском стане, у речек Землянки и Перлевки. В июне 1657 г. была дана земля «в поместье» 30 солдатам на правом берегу р. Усмани, у Хреновского стоялого острожка. Солдатам было приказано, как обычным помещикам, «тем поместьем владеть, пашню пахать и крестьян называть»¹⁰. Воевода Белгородского полка Г. Ромодановский именовал этих солдат «воронежскими», но по другим документам видно, что они вышли из семей драгун Орлова-городка¹¹. Известно, что драгунами Орлова-городка в 1646 г. стали в основном бывшие крепостные крестьяне Воронежского уезда¹². Их дети через 11 лет оказываются уже в роли «солдат-помещиков». Такая трансформация характерна именно для юга России; в центре страны, в районах развитого феодального землевладения ничего подобного быть не могло.

Воронежскими солдатами было основано с. Дубовое на юге современной Липецкой области. В 1661 г. группа солдат в количестве 21 человека подала челобитную воронежскому

воеводе (как обычно, на имя царя). Солдаты просили закрепить за ними землю, которую они нашли и уже заняли в Карачунском стане Воронежского уезда, в верховьях речки Ериловки, «под дубовым леском». Жители соседнего с. Вербилова — дети боярские и поп Наум подтвердили при опросе, что занятое солдатами «дикое поле пусто». После этого земля была официально закреплена за солдатами, которые получили под пашню по 50 четвертей «дикого поля»¹³.

Подробные «сказки» коротоякских солдат, записанные в 1675 г., дают возможность выяснить происхождение и социальное лицо солдат, живших в Коротоякском уезде. Солдаты здесь были выходцами из семей полковых казаков, детей боярских и станичников. Большинство солдат владело поместьем лично, по типу детей боярских, хотя верстаны поместными и денежными окладами были лишь единицы. По «сказкам» хорошо видно, что многие солдаты получали поместье без необходимой прежде предварительной процедуры — верстания.

По всей вероятности, верстание мало что давало солдату и практически не влияло на размер его земельного владения. Так, солдат И. Тарасов был верстан поместным окладом в 200 четвертей земли и денежным окладом в 7 рублей, но фактически владел лишь 10 четвертями земли в с. Сторожевом¹⁴. Солдат Т. Заболоцкий имел поместный оклад в 100 четвертей земли, денежный — в 4 рубля, но фактически поместья у него не было; 12 четвертями земли он пользовался в общих полях с полковыми казаками¹⁵. В то же время солдаты К. Устинов и Д. Волотов, не верстанные поместными и денежными окладами, имели по 25 четвертей поместной земли в с. Солдатском¹⁶. Часть коротоякских солдат имела землю в общих полях с полковыми казаками, это были выходцы из семей полковых казаков, так и не порвавшие связь со своей прежней корпорацией. И, наконец, некоторые солдаты совсем не имели земли, жили у своих отцов¹⁷.

¹³ Государственный архив Воронежской области, ф. 182, связка неописанных дел № 24, тетрадь 14.

¹⁴ ЦГАДА, ф. 210, столбцы Поместного стола, № 71, л. 9. Село Сторожевое находится ныне в Лискинском районе Воронежской области.

¹⁵ Там же, л. 7.

¹⁶ Там же, л. 10—11. Село Солдатское находится в современном Острогском районе Воронежской области.

¹⁷ Например, солдат А. Шарапов (ЦГАДА, ф. 210, столбцы Поместного стола, № 71, л. 16):

¹⁰ Центральный государственный архив древних актов (далее — ЦГАДА), ф. 210, столбцы Поместного стола, № 158, л. 79.

¹¹ Там же, л. 1—6.

¹² См.: В. П. Загоровский. Белгородская черта. Воронеж, 1969, стр. 130.

Примерно такое же разнообразие в земельном обеспечении наблюдалось и среди орловских солдат (Орлова-городка). В 1682 г. большинство солдат здесь было верстано поместными и денежными окладами. Но кроме солдат, получивших поместье, остались солдаты, владевшие «отцовской драгунской землей»; были и солдаты, не имевшие своей земли, жившие «в домах» отцов-драгун¹⁸.

Солдатская служба в XVII в. для сына стрельца, казака или поселенного драгуна создавала потенциальные возможности войти в число служилых людей «по отчеству», верстаться поместным и денежным окладами, добиться в дальнейшем повышения оклада. Среди 30 солдат, получивших в 1657 г. по 20 четвертей земли у Хреновского острожка, значится Исая Горбунов¹⁹. Он происходил из драгун Орлова-городка, служил солдатом с 1653 г. В 1682 г. в документах вновь встречается имя Исая Горбунова. В челобитной орловских солдат, просивших о разрешении «за кровь и службу» построить село около своих поместных земель на Хреновой поляне, И. Горбунов подписался первым. Оказывается, в 1680 г., после 27 лет службы, «по разбору 188-го году», он получил уже довольно крупный оклад жалованья: 200 четвертей земли и 8 рублей денег. Такими же поместными и денежными окладами были верстаны и другие орловские солдаты, служившие с 1653 г.: Лука Седельников, Игнат Высоцкий, Иван Журавлев²⁰.

Против возникновения солдатского села на Хреновой поляне возражали служилые атаманы с. Усмань-Собакина, предъявившие свои права на спорную землю. Московская волюкита надолго затянула дело. За четыре года вопрос так и не был решен, и тогда в 1686 г. солдаты без указа «поселились дворами» и основали с. Хреновое²¹. Ныне это село находится в Новоусманском районе Воронежской области.

Солдатская служба на юге России по сравнению со стрельцовой и казачьей имела и преимущества и недостатки. Солдат мог реально рассчитывать после нескольких лет службы получить землю не в общих полях, как стрельцы и казаки, а лично — по типу детей боярских. Стать солдатом

¹⁸ ЦГАДА, ф. 210, столбцы Поместного стола, № 158, л. 6—13.

¹⁹ Там же, л. 79.

²⁰ Там же, л. 6—9.

²¹ Там же, л. 18, 173.

во второй половине XVII в. в России было, видимо, более почетно, чем стрельцом, — это подтверждается, в частности, свидетельством иностранного наблюдателя. Чешский путешественник Иржи Давид, посетивший Россию в 80-х годах XVII в., в своем сочинении сравнил русских солдат со стрельцами и без сомнений отметил: «Солдаты выше по достоинству»²².

В то же время служба солдат Воронежского края в отличие от стрельцовой была связана с длительными, зачастую неограниченными по времени отлучками, практически несовместимыми с экономическим положением мелкого землевладельца и земледельца, каким являлся солдат во второй половине XVII в. Солдаты юга России, прошедшие обучение «солдатскому строю», были хорошо приспособлены к эпизодическим военным походам и кампаниям, но значительно менее пригодны для длительных войн. Несовместимость экономических интересов солдат с потребностями централизованного государства в постоянной армии особенно чувствовалась во время русско-польской и русско-турецкой войн 50—70-х годов XVII в. Она проявлялась в массовой неявке солдат в полки, бегстве их из полков в свои дома или даже на Дон. Разрешение солдатам призывать в свои поместья крестьян не имело под собой реальной социальной и экономической основы. Солдаты Воронежского края не владели крепостными крестьянами. Это были, как правило, мелкие помещики-однодворцы, обрабатывавшие свой участок земли личным трудом и силами членов семьи.

В последней четверти XVII в. русское правительство начинает проводить более решительную линию на отрыв солдат от пашни, вменяет в обязанность содержать ее остающимся дома родственникам и соседям. Военная служба все более теряет поместный характер. Этот процесс завершается в начале XVIII в. петровскими реформами, приведшими к созданию регулярной армии.

Во второй половине XVII в. воронежские солдаты были «однодворцами» фактически. В XVIII в. их потомки называются «однодворцами» официально, а затем превращаются в своем большинстве в государственных крестьян.

²² Иржи Давид. Современное состояние Великой России, или Московии. «Вопросы истории», 1968, № 3, стр. 96.